

ГЕОРГИЙ ГУЛЯЕВ

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Георгий Гуляев

Место под солнцем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70469128

SelfPub; 2024

Аннотация

Бармен в возрасте рассказывает увлекательную историю о судьбе города, в котором он жил всю свою жизнь. Под старый коньяк он вспоминает о встрече с парнем, который защищал население от монстров каждую седьмую ночь.

Содержание

Point de début	4
Point d'amour	10
Point de contrôle	12
Point de non-retour	17
Dernière voix	19
Point de fin	21

Георгий Гуляев

Место под солнцем

Point de début

Так, ты пока нарежай, сейчас посмотрим, что тут у меня в закромах лежит. О, ты посмотри-ка! Эта бутылка стара, как та кошелка, что вечно мне крушила крыльцо, якобы ей шум из таверны не нравился, вот ведь дура старая! Заветные мои 0,7, спрятал её от себя, да и позабыл, отлично подойдет под разговор, разливай по пятьдесят!

Мы вот сейчас сидим с тобой, малой, пьем этот коньяк в этом погребе, хотя погребом он был, конечно, давно, сейчас это скорее наша яма для погребения, такая братская могила. Раньше тут было запасов вискаря, хватило бы всему роду ещё лет на десять, да я бы всех мог поить каждый вечер и снова слушать невероятные истории зашедших ко мне посетителей. Помню, как объяснял одному пьяному мужику, что он должен впредь не вести себя, как трус и не сбегать от ощущения страха и тревоги, ведь так поступают лишь слабаки. Он особо не успел рассказать причины своего поступка, но вот осадить его я успел. Вывели под руки из помещения, и своим пьяным, еле разборчивым голосом он прокричал в след: «*Я не слабак!*». Все пытался набить мне морду, но, на-

деюсь, совет мой послушал. Другой, помню, пришёл ко мне настолько пьяный, что не мог отличить воду от водки, весь вечер его тогда водой поил! Я любил этот контраст выпивающих: кто-то пил с горя и пускался в пляс, а каждое движение было настолько живым, словно руками они выплёскивали все свои недуги. Некоторые же заглядывали радостными, а уходили из таверны поникшие, как с полной головой проблем. Думается, что они копили в себе эту дрянь, держали ком до последнего и создавали видимость счастливой жизни, затем же окончательно сваливались от масштаба, который так и не смогли осилить. Наверное, им стоило брать ношу по себе или же изначально не запускать себя в пузырь, в котором они не могли видеть, говорить и даже дышать. Но это лишь говорит о том, что мы все живые люди, что мы можем чувствовать. Знаешь, малой, раньше всё было совершенно иначе. Я бы всё отдал, чтобы вернуться в эту рутину вечно смеющихся и плачущих людей, которых сменяют такие же вечно горящие и радостные.

Те мои счастливые будни разливайки в один момент сменил сущий кошмар, после которого мы каждую седьмую ночь чистили пушки, точили ножи и молились дожить до утра! Каждая седьмая ночь была исходной. Кто-то пытался прятаться, но прятаться было бесполезно. Некоторые ставили ловушки, а кто-то расправлялся с этими тварями лицом к лицу. За годы такой жизни как только человечество не пыталось обезопасить себя. Мы высчитали примерные места,

откуда они обычно появлялись и застроили город стеной, но помогло это ненадолго. Оставалось надеяться только на все-ленское спасение, раз Господь от нас отказался, да и, будем честны, мало кто верил, что в очередной раз мы сможем отвоевать наше существование.

Знаешь, откуда они взялись? Ты не застал этот момент, был ещё совсем ребенок, а потом уже построили первые стены. Да и у вас в столице такой уровень безопасности, что истории про это считают сказками на ночь. Удивительно, что ты вообще самовольно решил приехать к нам. Как сейчас помню: тринадцатого августа шестьдесят третьего они полезли из ниоткуда и начали заполнять своим ужасом то спокойствие мироздания, которое казалось всем вечным. Они выглядели как иссушенные Богом грешники с чернильно-синей кожей, молчали, словно рты у них зашиты. Порой их конечности были хаотично усеяны торчащими наростами, а на руках были когти. Вместо глаз белые, еле светящиеся точки, а на лбу отростки, похожие на корону из плоских костей. Лица были лишены каких-либо эмоций. Потому и ужасно, что нас истребляли настолько пустые и лишённые души твари.

Это был страшный суд, пацан. Бог сошел с небес и обратил своё правосудие против всех неверных, и среди нас не осталось ни одного человека с идеально чистым сознанием. Не помогли ни молитвы, ни кресты, ни церкви. Истинная сила всё это время была в самих людях. Господь создавал по своему образу и подобию разумный вид и даже осветил их

существование особым замыслом, которому они должны были следовать тоже по-особому. Он одарил их полной свободой, видимо, чтобы проверить тягу к соблазнам. Естественно, в тот момент все мгновенно осознали разочарование господне в самом венце своего творения. Он будто говорил в наших собственных головах, никто не слышал голосов, но понимание пришло ясное, как день.

Он не стал нас убивать по щелчку пальца. Ходили поверия, что через 100 лет этот ужас закончится, и выжившие шагнут в новый мир, примут грешность свою, осознают её отвращение и откажутся от этого. Жизнью человеческой станет отсутствие способности даже мыслить грешно, они станут тем самым сверхсвятыищем, идеальным и благоразумным. Тем и абсурдно, что единственным щитом против всего гнева божьего стало создание сущего дьявола. Ведь дьяволу единственный интерес – потеха над грешными, а не их истребление. Как забавно повернулась жизнь: дьявол нас защищал от Бога. И после этого, конечно, тяжело осознавать квинтэссенцию света и тьмы, всё противостояние пресловутого добра и зла из наших детских книжек. Наверное, на небесах даже нет таких понятий, может это люди выдумали такое мироустройство, а своими поступками наделили жизнь смыслом. В наших умах оно лишь отложилось программным кодом за долгие годы развития рода человеческого. На небесах персоны точно такого же склада, как и мы, просто власти у них больше, и каждый там отстаивает свои

интересы.

Занесло его к нам случайно, он был растерян и долго молчал. В тот день шёл лёгкий летний дождь, на небе даже виднелось солнце, и несколько лучей освещали его потрёпанные волосы. Сидел он в небольшом кратере из земли, который образовался от его падения, так никто и не понял, откуда паренёк вообще взялся. На нём был тёмно-синий потрёпанный пиджак и изорванная водолазка, а под ней виднелись порезы и четыре-пять гематом в районе левого ребра. На руках были кольца и какой-то кусок пурпурной ткани. Он сидел в поле, что было почти на отшибе города, и совершенно не понимал, что тут забыл. Я расспрашивал его, но создавалось ощущение, что он просто выдумывал ответы. Не знаю, говорят, на лицо были все признаки амнезии. У него дрожал голос, отвечал на вопросы не сразу, всё валилось из рук. Глаза были затерты до алой черни. Поначалу он даже не мог держаться на ногах, ему помогали ходить, но он вечно спотыкался и падал. Сказать честно, дороги у нас ужасные, но сейчас, когда мы с тобой пьём нашу предсмертную бутылку, я могу сказать, что эти дороги не так уж и плохо выглядели. Раньше этот асфальт был не полигоном для этих тварей, а лишь неплохим акцентом пейзажа под мирным, ярко-голубым небом, по которому, также как и мы на земле, неспешно гуляли облака

На-на, малой, закуси лимончиком, такой коньяк только и закусывать. Видишь ли, я всё же думаю, в его глазах читалось, что он потерял не память, а что-то гораздо важнее, и

мы никогда уже не узнаем, что же это было.

Знаешь, когда всё началось? Не когда эти суки прогрызли стену и устроили нам сущий ад, и даже не тогда, когда паренька занесло в наш город, и по счастливой случайности он стал единственной нашей бронёй. Всё началось тогда, когда наш город подрасслабился!

В следующую нашу исходную ночь никто и не ожидал, что он встанет на защиту нашего небольшого городка. После появления паренька, мы, как и всегда, готовились и ждали этих тварей, укрывшись по своим домам и замуровав двери. Не услышав криков предсмертной агонии, люди решили посмотреть, что же происходит снаружи. Паренёк сражался с ними в одиночку, пролетая на своих хилых крыльях и отрубая им головы. Удивительно, как он собственноручно за ночь вырезал больше сотни этих выродков. Наутро его окружили жители, все благодарили со слезами на глазах. В ответ он лишь легко ухмыльнулся и сказал: *«Прошу вас, спите спокойно»*.

Point d'amour

Малой, давай, между первой и второй... Вздрогнем. Говорят, что истина в вине, так вот херню они несут!

Паренёк был демоном с бутылкой, почти как те, что сейчас скребут нашу дверь. После пары первых ночей все сразу же привыкли к спокойному сну без ожидания смертельных сражений и очередных страхов не уберечь свои бранные душонки. За два года жизни у нас в городе, к нему особо никто не подходил, потому что он ни с кем и не разговаривал. Он жил своей жизнью, хоть и жизнью это тяжело было назвать: днём тренировался, вечно кому-то помогал, иногда летал на своих этих хилых черных крыльях. С его силой он помог нам отстроить взорванные мосты и даже вернуть набережной презентабельный вид. Чёрт возьми, да я последний раз гулял по этой набережной, когда в твоём возрасте был, малой! Вспомнил времена, когда моими главными заботами была лишь бытовуха. Народ стал жить как прежде, в вечных разговорах о погоде и обыденной чуши. Добрейшей души был парень, хоть и в глазах его отражалась только местная пыль с бордюров. Он был наделён невероятной силой, при этом абсолютно не ценил своего дара и не придавал ему значения.

По вечерам вечно нажирался у меня за стойкой. Я же видел его, никто лучше не может знать алкоголика, как чело-

век, наполняющий стакан по другую сторону бара. Я всё видел, он даже не потухал, просто ходил с вакуумом в башке. Бухал он в своё время по-черному, конечно, и я так говорю не потому что он много пил, а потому что после каждого глотка на него тяжело было смотреть. Словно при взгляде на него вся сетчатка глаза заполнялась дрожащей чёрной пылью. Каждый вечер он заглядывал ко мне в таверну, в полной тишине выпивал ровно 450 миллилитров виски с лимонным соком, затем уходил спать. Не знаю, про какую истину люди обычно говорят, но думаю, что на дне стакана он её не увидел, даже если бы там было вино. Это нельзя было назвать жизнью, малой, он просто существовал.

Но эта история не о противостоянии небес где-то там между садами и кругами пламени и даже не о мире людском, которому пришлось столкнуться с истреблением. Эта история о том, как с виду черное-черное сердце в один момент словно рассыпалось песком, а внутри оказался белый, слегка зеленоватый бутон розы. Что-то понесло меня в романтику совсем, в общем, одним днём он встретил её.

Point de contrôle

Познакомились они случайно. Весенним вечером он сидел на крыше. Было ещё достаточно холодно, снега только начали оттаивать, вроде это была середина марта. Он увидел её в переулке, где продавали выпечку, там рядом стояло ещё это здание, похожее на какую-то обсерваторию. Девушка была в оливковом пальто с тёмно-коричневыми пуговицами. В тот момент в нём зажглось что-то абсолютно новое и раннее невиданное. Он подошёл к ней и, растерявшись от сочетания её каштановых волос и зелёных глаз, молча улетел. Затем он каждый вечер поджидал её в том месте на крыше. Она не боялась его, не думала, что он её преследует, просто делала вид, что не замечает. Ей льстило, что к ней он относился с inferнальным теплом. По исходным ночам демонов он ловил по всему городу, но до её дома они никогда не добирались. Через месяц этих молчаливых встреч и, казалось, случайных взглядов она решила заговорить с ним. Он в тот момент незамедлительно спрыгнул с крыши, словно этого всю свою жизнь и ждал. Забавно было смотреть, как такое дьявольское создание боялось и слово сказать, лишь бы не спугнуть её взор и какой-то эфемерный интерес.

С того дня всё в корне изменилось. Он нашел смысл улыбаться. Демон в тот день точно заново был окрылён. У себя я его видел всё реже, а даже если он и заглядывал, то пил этот

кислющий саур и после пол-литра уходил.

Но таких горящих глаз я никогда и ни у кого не видел.

Я даже скучал по нему. Такое чувство, что после этого птицы стали петь громче, а солнце в городе светило ярче. В один из вечеров, он завёл со мной беседу о том, как восхищался местами нашего города. Сказал, что, несмотря на то, что пролетал над ними сотни раз, лишь недавно смог разглядеть то прекрасное, что было в этих с виду обыкновенных домах и обшарпанных дорогах. Все мелочи будто зажглись светлячками, неспешно двигаясь в произвольном порядке, олицетворяя красоту мироздания, в котором, казалось, уже нигде не осталось красоты. Малой, если честно, у меня тогда день наполнился чем-то чистым, и даже ежедневная уборка бара перед закрытием смены казалась чем-то особенным. Люди, которые его видели, говорят, что порой от него исходили лучи света, лучи той самой первозданно-святой белизны. Вот же как жизнь меняется!

Ночами они гуляли так, что у них обоих ноги заплетались, курили эти вонючие ванильные сигареты на крыше, порой дым слезил ей глаза, а он аккуратно и бережно вытирал её слёзы бумажными платками, затем своими руками сжигал их, а она смеялась с этого каждый раз, как первый. Может, становится зависимостью для другого – это сомнительная идея, но я думаю, что она стала для него даже чем-то большим, чем смысл жить, настолько большим, что человеческому разуму никогда не удастся до конца осознать всю меха-

нику этих замыслов подсознания. Понять свои чувства он не смог, но тогда определённо сделал выбор своего дальнейшего пути. Выбрал плыть дальше не в одиночку.

Их затем я как-то видел в чайной, пили какой-то зелёный клубничный чай и улыбочиво переговаривались. Вот сдался же ему этот чай! Во всех этих мелочах проглядывались перемены, к которым он словно вечно стремился, но все никак не находил стимула, чтобы двинуться вперёд.

Знаешь, есть байка, что смотрители маяков, бывает, теряют рассудок из-за яркости света. Так вот она была его светом, а он был счастлив сойти с ума. По утрам после сражений она латала его раны, обрабатывала порезы, а он слегка дёргался, когда она клала пропитанную вату на его серую от боя кожу. Он смотрел в её глаза, а они бегали то влево, то вправо, словно от чувств не могли уgomониться. Казалось, эти минуты могли длиться целую вечность. Не знаю, наверное, это и была любовь. Давай за это и выпьем, пацан.

Если честно, город от этого почти не поменялся, им было абсолютно наплевать, что он чувствовал в те дни. Бои также проходили, и жители всё также были уверены, что он их защитит. Сначала он привлекал этих тварей своим пламенем, они мчались на него с невероятной скоростью, чтобы потушить его свет в этих сумерках. Стоило тварям осознать свое бессилие, их поведение сразу же изменилось. Они старались избегать его, и сражения стали похожи на детскую игру в догонялки. Наш стальной голем, которого выковали в преис-

подней.

Многие из жителей умудрялись презирать его, проходили мимо, тыча пальцем, и приговаривали, что именно он источник всех городских проблем. Мол, отродье дьявольское беды на хвосте принесло. Само собой, эти люди не хотели возвращаться в тот ужас, что проживали всю свою жизнь до его появления, но вот такие вот люди свиньи, никто не ценит хорошего положения вещей, особенно, если оно достигнуто не их силами. С того дня никто из нас не усвоил один важный момент: если этой девчонки не станет, мы снова окажемся с тварями один на один. И после уже привычных спокойных будней мы явно не выдержим очередную исходную ночь. Наверное, кто-то скажет, что это эгоистично с его стороны, а я скажу, что с нашей было абсолютно по-свински принимать помощь от воина с катаной, при этом в ответ даже не беспокоясь о состоянии того, что позволяет ему держаться на плаву. Статься, было подло с нашей стороны принимать помощь от воина с катаной, при этом совершенно не беспокоясь о той, что удерживает его на плаву. Да и откуда бы народу знать об этом! Город давно позабыл о любви, никто уже и не думал двигаться вперёд, важно было лишь удержаться на хлипком плоту, что некоторые называют судьбой. Семей в городе почти не было, каждый жил сам по себе, словно муравьи, накрытые банкой и пытающиеся выжить. По ночам он был доблестным защитником, но не многие обратили внимание на то, что и днем он не был пустой физической оболочкой

– все больше человеком, почувствовавшим жизнь как запах сирени ранним летом.

Да, пожалуй, в этом и была самая главная ошибка нашего города.

Point de non-retour

Мы расслабились. Укрепления делать перестали, патрули практически не работали. Будем честны, многие даже оружие у себя в доме не хранили, и может в этом бы не было ничего ужасного, если бы, сука, хоть кто-нибудь удосужился позаботиться об этой девчонке!

Прошло пару месяцев его жизни, насыщенной яркими красками. Очередная седьмая ночь в городе. Все спокойно спят, зная, что он в одиночку вырежет тварей, да и сам пойдет спать. Так, в целом, и было, он ловил их на земле и в небе, отрезал им головы, а затем они обращались в пепел. Всё прошло, как и любая другая ночь, но вернувшись наутро, он увидел её тело. Говорят, он не добил одного из чертей, тот пролез, да и набросился на девушку. Кто-то болтал, что ее убили какие-то злоумышленники, хотя кому нахер надо так рисковать мало того своей шкурой, так еще и задницами всех жителей города? Осмотрев ее, он снес с петель дубовую дверь, облетел всю округу. В его глазах всё настолько задрожало, наполняясь шумом, словно на экране старого телевизора и начиная стремительно уплывать, что он не заметил нацарапанную идеальным каллиграфическим почерком надпись на столе: «останавливать зло на себе». В тот момент его гнев и разочарование ложилось отрицанием её смерти. Эмоции вылились на него ушатом ледяной воды, над затылком

из пепла выросли рога, а когда он приземлялся, был слышен скрип от когтей на ногах. У её дома он не обнаружил никаких хотя бы малейших указаний на ответ, что же произошло, никаких следов на девушке никто тоже не обнаружил. Он просто не мог, боялся осознать, что так быстро потерял то самое, что заставляло его улыбаться по утрам, давало силы меняться и всей своей адской природой стремиться к неизведанному, в небесную бесконечность.

До встречи с ней он может даже и не догадывался, что вообще может испытывать такое, да и не особо хотел, если говорить начистоту. Сторониться такого – норма, ведь проще прокладывать свой путь пустотой, нежели идти наугад в поисках света, а затем упасть и разбиться об асфальт.

Никто так и не понял, от чего она умерла. Достоверную историю мы вряд ли когда-нибудь услышим, да оно и неважно. Похоронили мы её в том месте, где когда-то приземлился паренёк. С момента его появления, туда всегда падали лучи света, эдакое место под солнцем. А на надгробии кто-то написал: *«Осветившая круги адские и закрывшая глаза Господни»*. Да, раньше нас бы за такое сочли сумасшедшими сатанистами или богохульниками. Кто бы мог подумать, что такое безумие когда-нибудь сможет стать истиной. Давай, малой, не чокаясь. Какой же мерзкий коньяк! В тот день наш город понял, что значила для них эта беззаботная жизнь под дьявольским крылом.

Dernière voix

*Он стал сборищем развалин
Таким ветхим, иллюзорным
Никогда наш дом не станет
Тихим местом, что под солнцем.*

Он молча покинул город. Думаю, понимал, какая ответственность на нём была, что за неё, что за поселение. Наверное, его мучили эти муки совести. Однако с её кончиной, его больше не волновало ровным счётом ничего. В момент встречи с ней вся его жизнь разделилась на до и после. Раньше он брэнно и инерционно существовал, а после неё начал жить. Дальнейшее его существование тогда проносилось между тем, что он должен был делать и тем, что позволяло ему этим заниматься. Вопросы предназначения и желаний, долга и эмоций. Ведь он являлся защитником городка не потому, что был настолько добросердечным, а потому, что так было нужно. Но когда в его жилах потекло нечто, пьянящее без единого градуса – предназначение перестало иметь такой принуждающий характер. У его действий появилась причина, утрата которой в один момент и помешала ему продолжить. Вот так и случается: не испытывай счастья – не познаешь, насколько сердцу неприятно отчаяние, пацан! Нам нужна была защита, но тогда его бы кто защитил. Тишиной его

ухода прокладывалась вся скопленная в тот момент ярость, он был в огне и был готов сразить тысячи тварей, может даже дошёл бы и до Всевышнего, и небо содрогнулось бы от раскатов грома, заглушая боль утраты. Думаю, что он осознал, что его это не спасёт, и девчонку вернуть не поможет, да и мстить было, увы, некому.

Ты чего, малой? Уже напился что ли? Разливай давай, рюмки стынут! Конечно, мы не выдержали следующую ночь. Потерь поутру насчитали процентов девяносто. Взорвали все мосты и заколотили дома, вырыли укрытия и решили, что до утра будем теперь прятаться, как мыши, а с восходом твари все равно истлеют. И теперь каждая ночь для нас -лотерейный билет, а у нас даже и монетки нет.

Point de fin

На прощание он заглядывал ко мне. Я ничего не говорил, мы лишь молча обнялись, и в тот момент в его глазах я увидел: «*Простите, я должен уйти, не надо меня останавливать*». Перед воротами в тот день собрались те, кому хватило сил и смелости его проводить, все молча стояли и еле сдерживали слёзы, он просто покинул нас в тишине. Многие хотели попробовать что-то сделать, однако чувство вины им этого не позволяло. Раз один защищал целый город, то все должны были защищать одну, такое вот рыцарское кредо, пацан. Это ощущение пронизывало каждого в тот момент: все поняли незамысловатость своей роли, которой они так и не смогли соответствовать. Помню, тогда был солнечный день, но складывалось ощущение, что этот свет мы видели лишь в отражении пещеры, в которой всё это время сидели, а все лучи из звезды он впитал в себя, чтобы навсегда заточить их между рёбер. Он смотрел в одну точку с совершенно застывшим лицом, будто никаких эмоций не осталось более не только в нём, но и во всем городе. В руках он нёс катану, а вокруг рукоятки была обвязана цепочка из серебра, на которой висела луна – подарок девчонки. Лёгким шагом он вышел за ворота, и след его навсегда простыл в нашей округе.

Так и получилось, малой, такая вот история. Даже интересно, что с ним сейчас стало. Паренёк в своё время вдох-

нул в этот городок жизнь, жаль только, что её вкус мы почувствовали лишь в предвкушении смерти. Конечно, страдания – это скорее выбор, чем участь, и хоть мы все были огорчены его уходом, паренька можно понять. Да, всё-таки он не был слабаком. И вот вопрос: кто виноват? Он, обладающий огромной силой и не предотвративший то, что мог? Или мы, потому что были слабы, и при всех своих возможностях даже не удосужились попытаться стать сильнее.

Они почти пробили металл, начинают пролезать. Спасибо за беседу, было приятно пообщаться. Допивай, малой. На посошок!

*И души бранные бы вышли из ада
И птицы райские снова запели
Но засыпать нам с тобою осталось
Последний раз и в последней постели.*